

Надо же — опять этот ненавистный сон. И ладно, если бы страшилка привиделась, куда ни шло. Страшилка — это нормально, там образы всякие есть, яркие, сочные, их с пользой для себя можно расшифровать. А безобразия, что она видит, и сном не назовешь. Это скорее отдельное состояние организма, не имеющее специального определения. Не сон, не дремота, не забытье, а вялые бессюжетные танцы обнаглевших комплексов. Днем их не замечаешь, а ночью они тут как тут. И фон у этого состояния тревожно-серый. Зато в движении. Огромная такая серая тень формируется, то ближе подходит, то вдруг отдалается, а потом раз! — и начинают выплывать из тени лица, как самостоятельные персонажи, — то мамино сердитое, с поджатыми губами, то Сонькино слегка презрительное, то лицо очередного несостоявшегося работодателя промелькнет. И она среди

ВЕРА КОЛОЧКОВА

этих лиц — неприкаянно отстраненная. Всем улыбается виновато, пытается что-то объяснить... Страстно пытается, всякие нужные слова подбирает. А они никак не подбираются. Лица-персонажи смотрят, ждут, а она лишь мычит да машет руками, пытаюсь отбиться от вязкой воспаленной тревоги, которая змеей выползает из подсознания и сжимает в кольцо плечи, шею, ползет холодом по позвоночнику. И хочется крикнуть что-нибудь веское, значительное, вроде того: изыди, проклятая тревога, не виноватая я! Не надо так явно себя демонстрировать, я и без того знаю, что ты есть! Мало того, я даже знаю, как с тобою бороться. По крайней мере, теоретически знаю. Но не могу, не могу...

— Кать... Катька! Да проснись ты, господи!

Катя открыла глаза, и Сонькино лицо предстало перед ней вживую — встревоженное, слегка припухшее, с размазанной под глазами тушью. Вовсе не презрительное, как привидевшееся сонное лицо-персонаж. И впрямь, с чего это оно должно быть презрительным? Иль таки в самом деле презирает ее подруга Сонька? Тайно, подсознательно? А что, зря же не признится...

— Катьк, ты так мычала во сне! Прямо это, болезненно...

— Мычала?

Я вас люблю — терпите!

— Ну да... А еще стонала и хныкала. Ужас, как жалостливо. Я решила разбудить тебя на всякий случай. Что, кошмар приснился?

— Ага, кошмар... — садясь на постели, хрипло произнесла Катя, откидывая назад спутавшиеся пряди волос.

— А что тебе снилось?

— Да ты знаешь, ничего особенного... В смысле, ничего страшного. Так, фигня какая-то.

— А почему ты хныкала, стонала и мычала?

— Не знаю... Сонь, а ты правда не сердисься, что я у тебя на халяву живу?

— Да иди ты знаешь куда!

Сонька яростно запахла на своей точеной фигурке халатик-кимоно и решительно отвернулась, демонстрируя наполовину прикрытую шелковой тканью халатика умопомрачительной красоты задницу. Потом, передумав, с яростью развернулась обратно к Кате и с полминуты глядела на нее задумчиво. А наглядевшись, произнесла с нарочитыми нотками убийственного ханжества в голосе:

— Тебя что, серьезно вопрос халявы мучает? Хочешь об этом поговорить?

Девушки расхохотались так слаженно, в такой унисон, будто кто невидимый им отмашку дал. Вот за это Катя и любила Соньку — за ее способность любую проблему превращать

ВЕРА КОЛОЧКОВА

в хохму. Ни в чем не терпела Сонька натужной серьезности, характер у нее был такой. Все семинары на их факультете под названием «психология менеджмента персонала» превращались в балаган, стоило преподавателю подняться с места Соньку. Хотя на семинарах с хохмами не особенно разбежишься. Учебный процесс все-таки, святое дело. Да и экзамен потом сдавать все равно придется. Зато на практических занятиях по проведению тренингов Сонька позволяла себе от души повеселиться! Изгалялась как могла, низводя «святое дело» к фарсу и тем самым всячески демонстрируя презрение к предмету. А заодно и к науке психологии как таковой. Ну, может, не совсем к науке, а к ее преподаванию в их дорогом (в прямом смысле этого слова) учебном заведении, которое, по мнению Соньки, было очень уж нелегально сомнительным и действующим по принципу «плати много — учись легко». Даже к результату своего четырехгодичного платного обучения, то есть к синенькой корочке диплома, Сонька отнеслась пренебрежительно — в строке «специальность» после слова «психолог» приписала через запятую карандашиком «...мать твою». А на законный Катин вопрос — зачем тогда училась? — ответила серьезно и односложно: жизнь длинная, пригодится.

Я вас люблю — терпите!

Один бог знает, как они сумели сойтись в дружбе — порядочная серьезная девушка Катя Русанова и легкомысленная побрякушка Сонька Белоус. На примере их дружбы, наверное, можно целую диссертацию написать о проблемах и странностях коммуникативных составляющих в социуме. И сделать выводы. Что, к примеру, Кате Русановой дала собственная серьезность и порядочность? Да ничего! Училась она в отличие от побрякушки Соньки достаточно прилежно, а толку? Все равно работу как новоявленный дипломированный специалист-психолог по менеджменту персонала до сих пор не нашла. Где ж ее найдешь, эту работу? Можно подумать, работодатели в очередь стоят, чтобы умный специалист пришел и их персонал по всем статьям отмотивировал и отмодулировал заодно. Но все равно искать надо. Только жить негде. Из общежития-то ее после окончания учебы, естественно, выпихнули. Можно было, конечно, домой, в родной захолустный городок вернуться, но такой вариант Катя для себя даже не рассматривала. Вернее, рассматривала, но как самый последний, практически неприемлемый. Во-первых, там-то она уж точно по приобретенной в платных муках специальности никогда не устроится. А во-вторых, домой — это же значит под крыло к маме... Нет, нет,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

только не это! Лучше уж так, на халяву у Соньки. А к маме — упаси бог...

А вот Соньке ее легкомыслие принесло довольно ощутимые жизненные плоды. По крайней мере, последние лет пять точно приносит. Видимо, так уж звезды сошлись над ее девчачьей судьбой, начавшей свое течение в маленьком приморском поселке, куда занесло на отдых большого чиновника из их северного областного города. Какие-то грязи были особенные лечебные в санатории при Сонькином поселке, что ли, которые ему жизненно стали необходимы... В общем, случилось так, что чиновник прикипел к малолетней тогда еще Соньке всем сердцем, организмом и кошельком. Так прикипел, что с собой привез. Снял квартиру, обеспечил неплохое содержание, честно выучил Соньку на их дорогом факультете «психологии менеджмента». В общем, хороший оказался папик. Добропорядочный. Даже обещал квартиру купить.

Сонька этой привязанностью очень дорожила. И в непрезентабельное понятие «содержанка» вкладывала свой, особенный, уважительный смысл, суть которого сводилась к одному — просто повезло. Другим не повезло, а ей повезло! И никто и никогда не сумел бы убедить ее в обратном. А если бы попытался, то Сонька быстренько бы отправила того убеждающего в дале-

Я вас люблю — терпите!

кое путешествие. Нет, не в пошло-эротическое, отнюдь. В другое. В тот самый приморский городок, где в служебной однокомнатной квартирке при санатории ютилась ее семья — мать, бабушка и двое младших братьев. И где из всех возможных перспектив работы и зарплаты ждала ее одна-единственная перспектива — место какой-нибудь санитарки в их захудалом санатории с теми самыми лечебными грязями, которые когда-то так удачно приманили папика. Хотя, может, вскорости и такой перспективы уже бы не оказалось. Мать недавно звонила — жаловалась, закрывают санаторий. А ее грозятся из служебной квартиры выселить. То есть обиняком намекала — не пора ли тебе, доченька, и с нами поделиться халявным своим «содержанием»?

Надо сказать, что свое «содержание» Сонька отрабатывала классически честно, в некотором смысле даже истово. Блюла свое тело в красоте и ухоженности, ловко и быстро умудрялась во время визита благодетеля создать «атмосферу», то есть насобачилась, как хамелеон, подпадать под все его настроения. Хочешь игривости — пожалуйста. Хочешь выговориться — я вся во внимании. Хочешь «по-быстрому» — даже за унижение не приму. Вот она я, вся здесь и вся ваша, дорогой папик. Зато, мол, никаких неясностей меж нами нет, все до предела прозрач-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

но. Улыбка для тебя — самая что ни на есть искренняя, взгляд — влюбленный, восторженный и благодарный. Иногда ей даже казалось, что она и в самом деле его немного любит...

Неизвестно, по какой такой причине, но Сонькин благодетель никогда не сваливался с визитом как снег на голову. Может, просто не ревнив был. Деликатно звонил на мобильный — Софочка, дорогая, я буду примерно через часик. Эта его деликатность и позволила «дорогой Софочке» тайно приютить на оплачиваемой благодетелем жилплощади несчастную подругу-однокашницу. То бишь ее, Катю Русанову. А что? Целый час форы — этого вполне достаточно, чтобы убрать с территории «содержания» все признаки посторонней личности и самой посторонней личности вовремя смыться. Делов-то. Правда, здесь были свои неловкие для бедной Кати нюансы. Потому что хорошо, когда папик навевался к любовнице днем. Или вечером. А если, допустим, ближе к ночи? А бывало, и на всю ночь оставался? Тут уж ничего не попишешь — пожалте, уважаемая посторонняя личность Катя Русанова, на вокзал. И это еще благо, что он недалеко. Сидите и ждите, когда подруга Софочка отмашку даст — территория освободилась. Вот и эту половину ночи ей пришлось провести на вокзале. Только в пять утра удалось завалиться на поло-

Я вас люблю — терпите!

вину широкой двуспальной кровати, которая еще и остыть от благодетеля не успела.

— Соньк... А который час? — потянувшись, спросила Катя и, откинув от себя одеяло, спустила ноги на пол.

— А я знаю? Сама только-только от твоего мычания проснулась. О! — тут же округлила Сонька глаза, глянув на циферблат стильных часиков, оставленных на прикроватной тумбочке, — представляешь, уже два часа! Классно мы дрыхнули!

— Как — два? Ты что? У меня же на два собеседование было назначено! — всполошилась Катя, по-бабьи хлопнув себя по бедрам.

— Да ладно, собеседование у нее... Все равно толку от этих собеседований никакого. Ходишь, ходишь как заведенная...

— Сонь, а что мне еще делать? Я ж не виновата, что никто меня не берет. Живу и живу тут у тебя, на хлебах...

— Ой, Катька, не начинай!

— Нет, и впрямь, Соньк... Что делать-то?

— Что делать? Не знаю я, что делать. Давай для начала умоемся и кофе испьем. И съедим чего-нибудь. Я вчера Алику мясо готовила, там осталось, по-моему.

— А что, у Алика аппетит пропал?

— Ладно, не хаами.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да я не хамлю... Слушай, а он у тебя кто вообще?

— В смысле? — подняла удивленно бровь Сонька, насмешливо глянув на Катю.

— Да в смысле имени. Алик — это Александр, да? А может, Алексей?

— А я знаю? Сказал — Алик, значит, Алик. Мне его паспортные данные ни к чему.

— И что, за все эти годы тебе ни разу не захотелось узнать...

— Да бог с тобой, родная. На фига мне, сама подумай.

— Но как же... Неужели тебе не интересно?

— И что мне должно быть интересно?

— Ну, например, женат ли он...

— Ха! А ты сама-то как думаешь? Женат, конечно. И семью свою никогда, между прочим, со мной не обсуждает. Он мужик порядочный.

— А дети у него есть?

— Есть. Трое. И вроде как четвертый на подходе.

— А ты откуда знаешь, если он с тобой ничего такого не обсуждает?

— Да я и не знаю. Догадываюсь просто. Слишком уж часто навещать ко мне стал. Жену бережет. Говорю же — порядочный...

— А о чем вы с ним вообще разговариваете? Или вообще не разговариваете? Пришел, молча мяса поел и сразу в койку?

Я вас люблю — терпите!

— Ну почему... Он любит иногда посидеть, пофилософствовать... Или про свои министерские интриги порассказать. Ты знаешь, мне иногда кажется, я весь аппарат его министерства наперечет знаю — кто дурак, кто умный, кто сильно блатной... Между прочим, он обещал меня к себе на работу пристроить! А что? Диплом у меня теперь есть, дорога для карьерного роста открыта!

— Ух ты, здорово...

— А то! Здорово, конечно. — кивнула деловито Сонька и вдруг, прищурившись, пристально посмотрела на Катю. — Слушай, а чего это ты вдруг моей интимной жизнью заинтересовалась? Тоже хочешь в содержанки податься? Завидно, да?

— Нет, нет, что ты...

Катя так испуганно замахала на Соньку руками, будто перспектива пойти на содержание и впрямь должна была открыться перед ней незамедлительно. Не укрылся этот откровенный испуг и от Соньки. Обиженно сузив глаза, она совсем было собралась выпалить всю правду о своем отношении к Алику и своей при нем роли, да в последний момент передумала. Ухмыльнувшись, окинула подругу быстрым пристальным взглядом, цокнула языком и произнесла медленно, даже с некоторым удовольствием:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да ладно, не маши ручонками-то... Тебе в содержанки дорога вообще заказана. И не потому, что шибко честная, а потому, что все равно фейсконтроль не пройдешь.

— В каком это смысле? — моргнула от неожиданности Катя.

— А в таком! Сейчас, когда умываться пойдешь, в зеркало на себя внимательнее посмотри!

— Сонь... Ты чего? — тихо протянула Катя.

И сама почувствовала, какими нерешительными получились и жест, и голос. Виноватыми будто. Хотя — отчего ж виноватыми-то? Все вроде наоборот, это Сонька на нее наезжает, а не она на нее.

— Да ладно, прости... — махнула рукой Сонька слегка раздраженно. — Хотя... И в самом деле, посмотри, посмотри на себя! Вот скажи — когда ты в последний раз у косметолога была?

— Да я сроду ни к каким косметологам не ходила, ты что!

— Вот и зря, что не ходила. Посмотри, как у тебя рожа запущена! Кожа жирная, прыщи на лбу, как у малолетки какой. А фигура? Ну скажи, как можно жить с такой фигурой? Ты когда у себя талию в последний раз находила?

— Да я... Я просто по природе полная, в маму...

— Ну не знаю... Может, маме твоей и полагается к возрасту заслуженный целлюлит иметь,

Я вас люблю — терпите!

а тебе зачем? Что, лень в тренажерке недельку попахать, да?

— Сонь, очнись, какая тренажерка! Где бы я денег нашла на все эти удовольствия! Ты же знаешь, как мы с девчонками в общежитии жили, как на одних макаронах целыми днями сидели... И за учебу надо было платить... Мне мать денег тик-в-тик выдавала, за каждую копейку отчета требовала. Ты что, Сонь! Взяла, наехала ни с того ни с сего...

Произнеся все это на одном дыхании, Катя быстро вдохнула в себя воздух, и горло вдруг непроизвольно выдало звук, похожий на всхлип. Нет, вовсе не собиралась она плакать! Еще чего, из-за Соньки плакать. Успела уже привыкнуть к переменчивости ее нрава, знает, что никакого серьезного злопыхательства за ним не стоит.

Сонькину горячность, однако, этот ее непроизвольный всхлип остудил довольно быстро. Подскочив к Кате, Сонька испуганно заморгала, возложив ладошку на трогательно выпирающую ключицу, начала виновато рыскать глазами по лицу подруги. И тут же вздохнула с облегчением, не узрев на нем следов обиженной слезливости.

— Слушай, и правда... Чего я на тебя вдруг наехала? Это у меня, наверное, наследственное... Мамка моя, помню, пока с соседкой с утра не насобачится, ни за что на работу не

ВЕРА КОЛОЧКОВА

пойдет. И я такая же! Свинья, говорят, бобра не родит...

— Ну что ж, хоть какая-то от меня в дому польза! — грустно усмехнулась Катя. — Буду теперь твоим мальчиком для битья. Не переживай, я стерплю, раз такое дело... Ты первая в душ пойдешь?

— Нет, иди, я потом...

В ванной Катя, как порекомендовала в своем наследственном утреннем порыве Сонька, принялась рассматривать себя в зеркале. Хотя не любила она это дело — себя рассматривать. Зачем? Если природа красотой не наградила, тут уж ни один косметолог не поможет. Ну да, кожа жирновата, конечно. И прыщи на лбу выскочили некстати. И макияж она толком делать не умеет, да и незачем — все равно глаза под очками прячутся. Правда, с волосами можно что-то приличное сотворить, волосы у нее хороши, тут уж ничего не скажешь. Может, подстричься как-нибудь по-модному? Хотя — все равно денег нет. Вот если с первой зарплаты... О, несчастная зарплата, вожденная и всеми силами души вымечтанная, появишься ли ты в моей неприкажной жизни, черт тебя побери, хоть когда-нибудь или нет?!

От горьких мыслей о зарплате на лбу у Кати тут же взбугрились два холмика, образовав меж со-

Я вас люблю — терпите!

бой продольную складку. Ни дать ни взять маминно выражение лица получилось. Только у мамы эта складка уже в окончательную и бесповоротную морщинку превратилась. И под глазами у мамы горькие морщинки легли, и вдоль губ... Ладно, чего это она опять о маме! Надо скорее под душ прыгнуть, Сонька же там своей очереди ждет.

Стянув с себя пижаму, Катя снова невольно шагнула к зеркалу, мазохистски обозревая собственное тело. Да уж... Лучше не смотреть. Хотя... Это по сравнению с Сонькиными хрупкими косточками — лучше не смотреть. А если не сравнивать — то вполне даже ничего. И насколько она не толстая. Просто более плотная, безо всяких там окаянных изгибов. Зачем они ей, эти соблазнительные изгибы? Она ж в содержанки не собирается...

Однако скороспелое чувство неполноценности уже поселилось где-то там, внутри. Хотя про него и не скажешь так — поселилось. Чего ему селиться, оно там давно живет. Обвыклось, обросло привычками и живет. Конечно, с ним как-то бороться надо, да только не получается у Кати. Пробовала — не получается! Видимо, корнями проросло. Вот и сейчас, сунувшись под упругие душевые струи, она вдруг в полной мере ощутила свою неуклюжую громоздкость. Права

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Сонька, худеть надо. Талию определять. И чем быстрее, тем лучше. Хотя бы в этом плане попросить ощутить свою полную ценность. Странно даже, почему она к этой проблеме относилась до сих пор пренебрежительно? Как-то не выступала на первый план эта проблема. Наверное, потому, что по сравнению с отсутствием зарплаты вкупе с жилищной неприкаянностью не была проблемой как таковой.

Натянув на себя шикарный Сонькин халат и соорудив на голове тюрбан из полотенца, Катя еще раз глянула в зеркало, но тут же и вздрогнула от быстрого стука в дверь.

— Катък, телефон! — кричала Сонька. — Давай быстрее, тебе мать звонит!

Внутри у Кати тут же все сжалось, будто пропела свой короткий сигнал труба тревоги — ту-ту-ту-у-у! Быстро открыв дверь, Катя выхватила из Сонькиных рук трезвонящий мобильник, торопливо прижала его к уху и, втянув голову в плечи, почему-то на цыпочках побежала в комнату, придерживая сваливающийся с головы тюрбан.

— Да, мам, слушаю!

Так, отлично. Голос получился бодренький, радостный такой, будто она и впрямь рада была без ума маминому звонку.

— Здравствуй, дочь. Ну, что там у тебя с работой?

Я вас люблю — терпите!

Мамин голос прозвучал в трубке, как всегда, устало и немного раздраженно, будто она очень сильно хотела, чтобы все окружающие оставили ее наконец в покое.

— Да все нормально, мам! Все отлично! У меня уже есть два надежных варианта, и сегодня вот еще ходила в два учреждения, резюме оставила. И завтра пойду...

— А зачем?

— Что — зачем? — тихо опустившись на диван и поджав под себя ноги, спросила осторожно Катя.

— Ну...Зачем еще куда-то ходить, если тебя уже в двух местах берут?

— Да так, на всякий случай... Может, там денег больше пообещают...

Мать подозрительно замолчала, и Катя, прикусив губу, лихорадочно подыскивала слова, чтобы залепить ими, как пластилином, эту образовавшуюся в разговоре мучительную паузу. Иначе, не дай бог, перетечет в нее, как в дыру, все ее бодренькое вранье. А у мамы на вранье слух особенный, как у талантливого музыканта на фальшивую ноту.

— Нет, правда, мам! Если уж есть возможность выбора, надо же им воспользоваться! Лишние деньги не помешают, надо же будет квартиру снимать, сама понимаешь!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А что, из общежития уже гонят? Я так поняла, что ты до первого сентября с администрацией договорилась?

— Ну да, до первого сентября. У нас заведующая общежитием, знаешь, славная такая тетка... Живи, говорит, Катюша, пока новые студенты не приехали. Так что все в порядке, мам.

— А как ты питаешься? Может, тебе овощей привезти? В огороде вон огурцов, помидоров полно.

— Нет, мам, не надо! Не надо ничего везти!

Так, а вот тут она уже прокололась. Потому что слова отказа из нее выскочили, как истерический крик о помощи. Пришлось слегка закашляться, чтобы списать этот крик на нездоровье.

— Ты что, простужена?

— Нет, мам... Так, слегка горло побаливает...

— На ночь прими аспирин и завари липового цветку. Посмотри, он у тебя должен быть в баночке из-под чая, я привозила.

— Да, я помню. Обязательно заварю. Спасибо.

— Домой на выходные приедешь? У нас тут новостей полно.

— Каких, мам?

— Ну, не по телефону же... Давай приезжай, все узнаешь.

Я вас люблю — терпите!

— Я постараюсь, мам.

— Что значит — постараюсь? Если мать говорит — приезжай, значит, надо приехать!

— Да, да, конечно...

— Ну, все тогда. Я завтра тебе снова позвоню. И с работой не раздумывай, иди туда, куда берут. Поняла?

— Хорошо, мам.

Короткие гудки отбоя зазвучали в ухе нежнейшей музыкой, и Катя без сил откинулась на спинку дивана, прикрыв глаза. Вошедшая в комнату Сонька, розовая после душа и ужасно хорошенькая, плюхнулась рядом с ней, толкнулась худеньким плечиком.

— Ну что, как прошел очередной отчет о дочерних успехах? Нормально?

— Нормально, Сонь... — вяло откликнулась Катя, не реагируя на насмешливые нотки в Сонькином голосе.

— Слушай, Катька... Вот убей меня, не понимаю — зачем ты ей врешь? Ну сказала бы все по-честному... А то наворотила — и про работу, и про общежитие! На фига?

— Не могу, Сонь. Не могу я по-честному.

— Почему?

— Объяснять долго.

— Ты что, ее боишься?

— Боюсь.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да почему?! Как это, родной матери — и бояться? Зачем?

— Зачем, зачем... Глупый вопрос — зачем! Тогда уж спроси — почему... Я должна ее надежды в отношении себя оправдать, понимаешь? Кровь из носу, а должна. Семья у нас не такая обеспеченная, чтобы на ветер деньги бросать. Родители за мое хоть и нелепое, но высшее образование четыре года платили. А я теперь — что? Должна расписаться в собственной никчемности? Работу, мол, не нашла, живу на хлебах у подруги?

— Ну да. Врать, оно, конечно, лучше.

— А я и не вру... Все равно ж я ее найду когда-нибудь, эту работу! А если не найду, то вон в ларек овощной устроюсь.

— Так в ларьке и дома можно...

— Нет. Дома нельзя. Потому что мама меня там, дома, как бы это сказать... Она меня уже позиционировала, понимаешь? Как редкого и модного специалиста. Она очень, очень хотела, чтобы я высшее образование получила. Я же в школе хорошо училась, а экзамены в университет провалила.

— А почему, кстати?

— Да потому, что пятерки мои школьные... Как бы это сказать... Они у меня вымученные были, понимаешь? Мамина установка была такая —

Я вас люблю — терпите!

чтоб я на пятерки училась. А при такой установке количество в качество не переходит, наверное. В общем, я не знаю, как это объяснить...

— Да ладно. Поняла я. Ты просто зубрила со страху, а в голове ничего не оставалось.

— Ага... Помню, приехала домой, реву от стыда белугой! А мама меня тут же обратно и развернула — поступай, говорит, в какой угодно институт, но чтоб высшее образование у тебя было! Не важно, какое. Любое. Пусть даже самое платное. В лепешку, говорит, разобьюсь, во всем отказывать себе буду, но чтобы было, и точка!

— Ну, так ты ж таки его получила! В чем проблема-то? Езжай теперь в свой Захарьевск, Макарьевск...

— Егорьевск. Я из города Егорьевска, Сонь. Маленький такой городок, провинциально-пришибленный. Правда, мама моя там личность довольно известная.

— А кто она у тебя?

— О, по нынешним временам большой начальник! Она в управлении Роспотребнадзора уже много лет работает. Через ее руки все санитарно-эпидемиологические заключения проходят, их еще гигиеническими сертификатами называют. Важная чиновница, одним словом. Тем более сейчас, когда каждый второй торговлей занимается.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ха! Так при таком блатном месте она тебя в два счета на работу пристроит!

— Ну да... Может, и пристроит... А только я сама туда не хочу, понимаешь? Са-ма! Ни за что не поеду в Егорьевск! Я там не смогу, не смогу...

— Значит, хочешь лишить мать законных дивидендов?

— Не поняла... Каких дивидендов?

— Каких, каких... Заслуженно эмоциональных! Сама же говоришь, что она четыре года в тебя инвестировала!

— А, ну да... Здесь ты прямо в самую точку попала, Сонь. Если я домой вернусь, то уже точно буду по рукам и ногам этими дивидендами связана. Как ты говоришь, эмоциональными. Не вырвешься. А самое смешное, что это будет красиво называться родительской за меня гордостью. И попробуй с этой дороги свернуть! Шаг влево, шаг вправо — расстрел. А у тебя что — не так? Твой Алик разве с тебя свои дивиденды не получает? Он-то уж, по-моему, стопроцентный в этом смысле инвестор...

— Э, нет, подруга! Не скажи! Не надо мешать все в общую кучу. Потому что у нас с Аликом все по-честному. Он по-честному вкладывается, я по-честному отдаю. И никаких претензий сторон не имеется. Потому что он мне — никто!

Я вас люблю — терпите!

Он — чужой. Ни сват, ни брат, ни отец родной. А ты свои дивиденды за что платишь? За то, что родители в твою учебу вложились? Так они ж тебе не чужие! Они вроде как своему ребенку бесплатно помогать должны, из первородных родительских чувств-с... Ну что, чуешь подмену?

— Да чую, чую... — окончательно поникнув, кивнула Катя. — Наверное, ты права, Сонь...

— Ты знаешь, Катька... Вот если бы моя мама мне могла помочь, я бы ни на минуту ни о каких дивидендах не задумалась. Потому что знаю, что она меня просто так любит. Ни за что.

— Ага. Потому и в содержанки благословила.

Черт его знает, каким образом у нее эти обидные слова вырвались! И вовсе Катя не хотела ничего такого говорить... Отплатила за Сонькину доброту, получается. Вон как она сразу напряглась, как грозовая туча. Сейчас молнией ударит. И поделом.

Сонька, однако, не торопилась ударить в нее обидой. Сидела, молчала подозрительно. Потом вдруг тихо и грустно произнесла:

— Дура ты, Кать... Причем дура — несчастная. Такая несчастная, что я и ругаться с тобой не хочу. Тоже, нашла чем попрекнуть...

— Извини, Сонь. — Катя с мольбой прижала руки к сердцу. — Я не хотела. Честное слово! Сама не знаю, как у меня...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да ладно. Можешь и дальше гордиться своей девичьей честностью. На здоровье. И пусть я, по-вашему, по-честному, дрянь из дряней, проститутка и содержанка, но зато я свободна по-человечески, в сто раз более свободна, чем ты. И мать моя — свободна. Потому что она меня любит по-настоящему. И всегда будет любить, что бы я с собой ни сотворила. А ты — ханжа! И мать твоя — ханжа! И не любит тебя! И ты ее не любишь! Что, разве не так? Скажи — не так? Чего молчишь?

Ну вот что, что могла Катя Соньке ответить? Да ничего не могла. Нет, можно, конечно, и возмутиться праведно, и опровергнуть всякими доводами Сонькины слова, а только зачем? Лучше уж так — отмолчаться. Потому что называть вещи своими именами стыдно. Мало того, что стыдно — смерти подобно. Права Сонька — нету в ней никакой дочерней любви. У других есть, а у нее нету, хоть тресни. Ничего нету, кроме тихого по отношению к матери раздражения. Да, именно раздражения, трусливого и мерзкого, которое шевелится внутри, как неизлечимая стыдная болезнь, и которое надо старательно прятать, запихивать каждый раз подальше. Нет, правда, — ужасно же стыдно! Как это — маму не любить? Да еще, не дай бог, в этом откровенно признаться? Нет, язык не повернется взять

Я вас люблю — терпите!

и бухнуть сейчас Соньке вот так, за здорово живешь, что она в этом смысле такая дефективная. Что-то вроде морального недокормыша. Лучше уж так — промолчать. Или перевести разговор на другую тему. Только надо быстро его перевести, придумать что-нибудь половчее. Например, позвать Соньку на кухню, они вроде завтракать собирались...

Однако ничего хорошего из этой попытки не вышло. Не успела Катя. Надо было сразу Соньку на кухню звать, а не отмалчиваться целую минуту. Сама виновата — проворонила, не заметила, как подкрались невзначай слезы жалости к себе, несчастной, дефективной и морально уродливой. Подкрались и ударили по глазам, и даже вздохнуть толком не получилось. Вырвался наружу горестный вскрик и затих, будто испугавшись.

— Кать... Ты чего? Ты реветь собралась, что ли? — подпрыгнув, развернулась к ней всем корпусом Сонька.

— Н-н-ет... Нет, что ты...

— О господи... Чего ты меня все время пугаешь своими вскриками? Я что, больную тему задела, да? Ну прекрати, Кать...

— Все, все, не буду. Честное слово, не буду. По... Пойдем лучше кофе пить...

— Так и пойдем! Чего мы тут, в самом деле, обоюдный китайский психоанализ развели?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Почему — китайский? — уже сквозь слезы смеясь, поднялась с дивана Катя.

— Да потому что мы с тобой такие же психологи, как китайский товар на рынке у вокзала! Этикетки красивые, а качество — дрянь. Дипломированные специалисты, мать твою...

— Ну, уж с вопросами менеджмента персонала я всяко-разно бы справилась, если б меня на работу взяли!

— Ага. А то без тебя никто больше не разберется, как надо с персоналом поступать. Что, завтра опять по фирмам в поход пойдешь?

— Пойду, конечно!

— Ну-ну... Давай, старайся. Слушай, у меня тут блузка такая в меру сексуальная есть, она мне велика. Надень ее завтра. Может, не так убого смотреться будешь. И косметику я тебе свою дам, прыщи замажешь. Хочешь?

— Не, Сонь, не надо...

— Да ладно, чего отказываешься! Бери! Фейс подправишь, блузку наденешь, за крутую сойдешь! А там, глядишь, и с работодателем повезет...

* * *

Зря она согласилась на Сонькину в меру сексуальную блузку. И ничего в ней сексуального не было, кроме сплошного неудобства. На груди повыше натянешь — с плеч спускается. На плечи

Я вас люблю — терпите!

натянешь — грудь выставляется так откровенно, будто Катя на панель собралась. Хорошо еще, что пиджак догадалась с собой захватить. Смешно, конечно, в несусветную августовскую жару пиджак на себя напяливать, а что делать? Не терять же день из-за таких неудобств?

День для конца лета выдался действительно жаркий, что тоже можно по большому счету отнести к неудобствам. И откуда вдруг принесло эту несуразную жару? Август — он же довольно достойный месяц, в смысле приличной одежды. Ни маечек, ни легкомысленных юбочек уже не допускает. Тем более отсутствия колготок на ногах. А тут — здрассьте, пожалуйста! Солнце шпарит так, что поневоле раздеться хочется. Хороша же она будет, когда предстанет перед потенциальным работодателем — в пиджаке, застегнутом на все пуговицы, распаренная, с плывущим по лицу модным Сонькиным макияжем. Хотя, чего это она бежит впереди паровоза? Главное же не в том, как она выглядит, а в том, чтобы вообще, в принципе на этого потенциального работодателя набрести, хотя бы на самого завалыщенького. Сколько уже по разным конторам ходит, и никакого толку. Не понимают работодатели своего счастья, не хотят свой персонал ни правильно формировать, ни мотивировать, ни модулировать. Но — не надо отчаиваться! Может,